

У 203
937

2307

ПОСЛѢДНІЙ АБРЕКЪ.

БИБЛІОТЕКА

Разсказъ

Педагогическихъ курсовъ

В. Я. Свѣтлова.

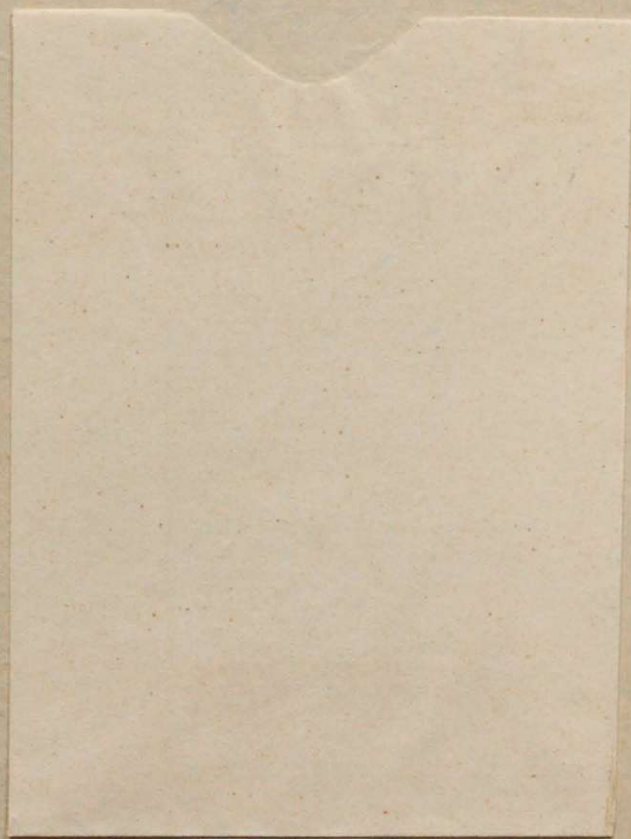
Имени КОРОЛЕВЫХЪ

при Университетѣ С.-Петербургъ. — 1903 г.

ШКОЛА НАРОДНОЙ ШКОЛЫ

U/ $\frac{203}{937}$

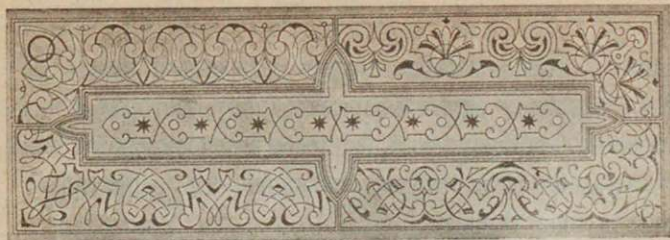
$$U \frac{203}{937}$$

25

$$\frac{11621}{21}$$

2011.147230

2307

С 25

ПОСЛѢДНІЙ АБРЕКЪ

Разсказъ.

I.

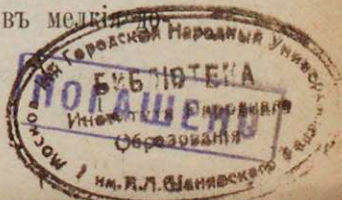
9307
Въ скалахъ Кавказскихъ горъ, между линіей вѣчныхъ снѣговъ и глубокимъ дномъ долины, по краю узкой горной тропы пріютилось нѣсколько заброшенныхъ бѣдныхъ ауловъ ¹⁾. Сакли ихъ, сложенные изъ камней, съ плоскими крышами, покрытыми землею, прилѣпились къ самымъ скаламъ. Издали трудно было бы разобрать, селеніе ли это, пріютившееся въ черныхъ горахъ, или просто гряда камней. Только синій дымокъ, подымавшійся изъ отверстій крышъ, указывалъ на обитаемость этихъ мѣстъ, на присутствіе въ этихъ высотахъ человѣка.

Плохо здѣсь жилось прежде людямъ: отрѣзанные отъ остального міра, они погружались въ мелкія до-

¹⁾ Аулы — селенія горцевъ; сакля — хижина.

32718-44

машнія дѣлишки и постоянно враждовали между собою, ослабляя этими ссорами страну, которая изнывала въ то время подъ бременемъ непосильной войны съ русскими войсками, покорявшими сопротивлявшихся еще горцевъ.

Мрачные и суровые, какъ мрачна и сурова окружавшая ихъ природа, жители этихъ ауловъ были такъ же безмолвны, какъ эти горы и ущелья, и всѣ споры между собою рѣшали кинжаломъ и кровью.

Въ одномъ изъ такихъ ауловъ, именно въ Верхнемъ, жилъ одинъ байгушъ ¹⁾; голъ какъ соколъ, онъ снискивалъ себѣ пропитаніе охотою въ скалахъ на архаровъ ²⁾. Никого изъ близкихъ или родныхъ у него не было къ аулѣ, да и въ цѣломъ свѣтѣ ихъ у него не было. Онъ былъ одинъ какъ перстъ, съ дѣтства брошенный на произволъ суровой судьбы, неизвѣстнаго происхожденія и племени.

Можетъ-быть, онъ родился здѣсь же, въ аулѣ, и съ первыхъ же лѣтъ рожденія потерялъ родителей въ продолжительной и губительной войнѣ съ русскими, можетъ-быть, онъ былъ забытъ на дорогѣ проходящимъ караваномъ, — никто того не зналъ, и онъ — еще менѣе, чѣмъ другіе.

Онъ занималъ маленькую, брошенную кѣмъ-то саклю, на самомъ краю аула, и какъ-то такъ вы-

¹⁾ Бѣднякъ.

²⁾ Архары — дикіе бараны.

пло, что никто не спорилъ противъ его правъ на эту саклю, и за долгіе годы его пребыванія въ ней имущество это, не Богъ вѣсть чего стоившее, утвердилось за нимъ, по безмолвному соглашенію односельчанъ.

Питался байгушъ кое-какими кореньями, которые отыскивалъ подъ тонкимъ слоемъ земли, облежавшей скалы; иногда, привыкнувъ бродить по пещерамъ и ущельямъ, онъ не возвращался домой и ночевалъ въ горахъ, обогрѣваясь холодными ночами у огня костра, сложенного имъ изъ собранныхъ во время шатанья по горамъ сухихъ сучьевъ и вѣтвей. Одѣвался онъ на деньги, выручаемыя отъ продажи убитыхъ имъ животныхъ. Его не очень любили въ аулѣ, какъ за темное его происхожденіе, такъ и за его упорную и молчаливую суровость. Онъ почти не умѣлъ говорить съ людьми.

Вѣчно одинъ, окруженный безмолвными утесами, въ погонѣ за архарами, онъ отвыкъ отъ людской рѣчи и мало понималъ то, чѣмъ интересовались жители аула. Зато онъ понималъ и любилъ языкъ природы: свистъ вѣтра, ревъ бури, шумъ скатывавшагося въ долину обвала, топотъ копытъ тура ¹⁾ о камни скалъ — все это ему было понятно и говорило больше, чѣмъ все людскія рѣчи.

¹⁾ Туръ — горный козель.

Одинъ другъ былъ у него — абрекъ ¹⁾ Вара, страшный человѣкъ, котораго всѣ боялись и который неустанно боролся съ русскими властями. Однажды Вара, преслѣдуемый казачьимъ разбѣздомъ, спасся отъ него въ горы и, встрѣтивъ у крайней сакли байгуша, попросилъ у него убѣжища. Тотъ молча спряталъ его въ своей саклѣ, гдѣ онъ и провелъ ночь.

— Я никогда не забуду твоей услуги, Боша, сказалъ ему Вара. — Съ этого дня мы — кунаки, братья.

И дѣйствительно, Вара и Боша сдѣлались друзьями. Вара приглашалъ байгуша съ собою, но тотъ отказался послѣдовать за нимъ. Они разстались и рѣдко, очень рѣдко видались съ тѣхъ поръ. Но когда Вара пріѣзжалъ въ Верхній аулъ, онъ всегда останавливался у Боши. Послѣ одного кратковременнаго пребыванія въ аулѣ Вара исчезъ, и прошло уже много-много лѣтъ, какъ два друга не видались. Боша думалъ уже, что Вара убитъ русскими или ушелъ въ Турцію, и почти пересталъ вспоминать о немъ, продолжая жить въ своемъ угрюмомъ одиночествѣ.

Жители Верхняго аула однажды попытались сдѣлать

¹⁾ У кавказскихъ горцевъ абрекомъ называютъ человѣка, даващаго зарокъ избѣгать всякихъ жизненныхъ удовольствій, не щадить головы своей и драться неустово; такъ же называютъ разбойника.

Боша осѣдлымъ и дать ему вѣрный кусокъ хлѣба. Они попробовали дать ему для обработки клочокъ земли, на которомъ онъ могъ бы что-нибудь посѣять. Но Боша и тутъ поступилъ по-своему. Онъ вышелъ за селеніе, оглянулъ отведенный ему клочокъ, снялъ съ себя дырявую бурку, старый подарокъ Вары, и бросилъ ее на землю¹⁾.

Бурка цѣликомъ покрыла его пахатное поле! Онъ поднималъ ее, надѣлъ на себя и, ни слова не говоря, отправился въ горы. Старики обидѣлись этимъ пренебреженіемъ.

— Откуда же ему взять землю? говорили они, покачивая бритыми головами и тряся крашеными бородами: — Аллахъ не наградилъ насъ землей, и нужно беречь ее, а не раздавать байгушамъ.

И довольные тѣмъ, что такъ мудро и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и выгодно рѣшили этотъ вопросъ, они мирно разошлись по саклямъ.

И однако, несмотря на свою наружную суровость, Боша имѣлъ доброе сердце. Онъ охотно помогъ бы такому же бѣдному, обездоленному человѣку, какимъ былъ самъ; онъ и доказалъ это, спасши отъ вѣрной смерти своего друга Вару; онъ любилъ бы дѣтей, если бы они не избѣгали, а порой не дразнили его; онъ любилъ бы аульныхъ дѣвушекъ, если бы онѣ

¹⁾ Бурка — войлочный мохнатый плащъ, накидка безъ рукавовъ

не боялись его... Его бояться! По какому поводу? Кому онъ сдѣлалъ зло? Правда, видъ у него суровый, онъ грязно одѣтъ, на лохмотьяхъ его бешмета ¹⁾ часто видны слѣды крови убитыхъ имъ животныхъ, но что же изъ этого? Развѣ онъ виноватъ, что бѣденъ? Развѣ его способъ снискивать себѣ пропитаніе охотой — хуже, чѣмъ, напримѣръ, обрабатывать клочокъ земли, предложенный ему стариками и годный развѣ на то, чтобы лечь подъ этотъ клочокъ, когда наступитъ старость и Аллахъ отыметъ отъ него душу.

И онъ горько и подолгу задумывался надъ этимъ.

Одно обстоятельство перевернуло всю его душу. Онъ полюбилъ односельчанку — красавицу Гигó. Онъ оказывалъ ей всевозможныя услуги, рѣшилъ нарушить свое угрюмое молчаніе и изрѣдка, встрѣчая ее по дорогѣ къ ручью съ кувшиномъ на плечѣ, когда она шла за водой, вступалъ съ нею въ разговоръ. Онъ приносилъ ей убитую дичь, дарилъ ей туры рога, покупалъ позументы. Но красавица Гигó отклоняла эти подарки и ни разу еще не улыбнулась ему. Это была высокая, стройная какъ лань дѣвушка, гордая какъ орелъ и смѣлая какъ львица. Она была дочерью богатаго человѣка, богатаго по сравненію съ его односельчанами: у отца ея было и поле побольше, чѣмъ то, которое предложили байгушу, у него были и бараны, и лошадь,

¹⁾ Бешметъ — полукафтанъ съ рукавами.

и нѣсколько бурдюковъ вина ¹⁾, и хорошее оружіе, и много еще чего другого.

Отецъ не спѣшилъ выдавать Гитѣ замужъ. Онъ ждалъ, когда кто-нибудь явится и внесетъ за нее богатый калымъ ²⁾.

И вдругъ Бошѣ, несчастному байгушу, пришла странная мысль посвататься къ этой богатой дѣвушкѣ! Какой калымъ могъ бы онъ внести ея отцу, когда ему самому подъ часъ нечего ѣсть, когда бѣгаютъ дни, что онъ не видитъ даже сухого чурека ³⁾.

И онъ гналъ отъ себя возможно дальше эту нелѣпую мысль, уходилъ на охоту, преслѣдовалъ по крутымъ скаламъ архара, рискуя скатиться въ пропасть, или бѣжалъ за дикимъ кабаномъ до самаго его послѣдняго убѣжища, чтобы не думать о Гитѣ.

Вотъ, однажды, вернувшись послѣ удачной охоты въ аулъ, Боша вдругъ набрался необыкновенной храбрости и, недолго думая, отправился къ отцу Гитѣ свататься къ его дочери.

Старый аульный богачъ звонко засмѣялся, услышавъ эту просьбу.

— Наконецъ-то ты заговорилъ, Боша! сказалъ онъ ему въ отвѣтъ. — А мы-то всѣ думали, что ты

¹⁾ Бурдюкъ — мѣшокъ изъ бараньей или воловьей кожи, употребляемый для храненія жидкостей.

²⁾ Калымъ — выкупъ, платимый женихомъ родителямъ невѣсты.

³⁾ Чурекъ — хлѣбъ въ видѣ лепешки.

уже разучился разговаривать. Хотя, правду сказать, ты такъ долго молчалъ, что сталъ говорить глупости. И по-моему, лучше молчать, чѣмъ говорить глупости. Какъ, ты, жалкій байгушъ, оборванный нищій, сватаешься къ моей дочери! Въ умѣ ли ты, другъ мой? Или ты весь свой умъ растерялъ въ охотѣ за турами? Да гдѣ же у тебя калымъ?

— Я не нищій оборванецъ, старикъ! возразилъ Боша, гордо поднявъ голову. — Не смотри на мои рубища: подъ лохмотьями часто скрывается храброе сердце.

— Ну, это не великое богатство! насмѣшливо проговорилъ старикъ. — Я не спору, храброе сердце — отличная вещь, но Гитѣ стоитъ дороже, и этого мало, что ты предлагаешь мнѣ. Вотъ, если бы ты былъ знатнымъ человѣкомъ да имѣлъ бы богатство, ну, тогда мы бы поговорили. А теперь намъ не къ чему тратить время. Ступай-ка себѣ домой и пораздумай на досугѣ о моихъ словахъ. Кстати досуга у тебя много, а мнѣ время дорого и тратить его въ пустыхъ разговорахъ некогда. Пусть ты принесешь мнѣ богатый калымъ, — тогда и будегъ по-твоему.

Старикъ всгаль и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Бошѣ ничего не оставалось другого, какъ уйти домой.

Онъ это и сдѣлалъ. Глубоко задумавшись, онъ направился къ своей саклѣ. Голова его была низко опущена, и изъ глазъ его, быть-можетъ, въ первый

разъ въ жизни текли слезы. Хорошо еще, что смеркалось и никго не могъ увидѣть ихъ! Какъ бы смѣялись надъ нимъ молодые джигиты ¹⁾, если бы увидѣли его въ такомъ положеніи!

Онъ плохо спалъ ночью, обдумывая слова старика; проснулся онъ рано и услышалъ какой-то шумъ на улицѣ аула.

Онъ вышелъ изъ сакли, направился къ площади. Улица была очень оживлена въ этотъ ранній утренній часъ. По ней бѣгали мальчишки, скакали джигиты, выходили на пороги домовъ женщины. Отъ сакли къ саклѣ ходилъ «крикунъ» и выкрикивалъ объявленіе командующаго русскими войсками, князя Туманова. Всѣ толпились вокругъ крикуна и выслушивали это объявленіе, въ которомъ было сказано, что до свѣдѣнія генерала дошло, будто въ Чечнѣ опять появился извѣстный разбойникъ абрекъ Вара; что всякій, кому придется увидѣть его въ аулѣ, обязанъ немедленно донести объ этомъ властямъ, а буде возможно, то и задержать абрека и доставить его въ руки властей. За поимку абрека назначалась крупная сумма и другія награды, а за укрывательство генералъ грозилъ строгимъ взысканіемъ.

Жители аула молча и хмуро выслушивали слова крикуна. Никто, конечно, не опозоритъ аула выдачею

¹⁾ Джигиты — горцы-наѣздники.

абрека, если бы онъ появился среди нихъ. Пѣтъ высшаго безчестія, какъ выдать человѣка, ищущаго убѣжища и крова, спасающагося отъ преслѣдованія.

На улицѣ собирались кучки горцевъ, шумно обсуждавшія объявленіе князя. Все были согласны въ томъ, что князь напрасно обратился къ нимъ: награда его имъ не нужна, а взысканій не долженъ бояться человѣкъ, исполняющій свой долгъ передъ единовѣрцемъ и землякомъ.

Выслушавъ Боша крикуна и медленно поплелся домой. Онъ чувствовалъ себя почти больнымъ и даже не отправился въ этотъ день на охоту.

II.

Узкая горная тропа подымалась къ Чернымъ горамъ, съ которыхъ открывался видъ на Большую Чечню. Внизу съ камня на камень, бушующая, прыгала горная рѣчка. Вверху по скаламъ ютились, какъ орлиныя гнѣзда, рѣдкіе аулы.

Медленно подвигался верхомъ на лошади по этой дорогѣ абрекъ Вара. Онъ понурилъ голову, и тяжелая дума вполне завладѣла имъ; онъ не смотрѣлъ по сторонамъ, не любовался красотами природы, которыя ему были знакомы съ дѣтства и давно уже пріѣлись ему. Онъ изрѣдка только подымалъ голову, вздрагивая отъ какого-нибудь шороха или внезапнаго

шума. Безпокойно и злобно оглядывался онъ тогда по сторонамъ и спѣшилъ свернуть съ дороги къ придорожнымъ кустамъ, гдѣ спѣшивался, клалъ своего вѣрнаго коня на землю, а самъ прятался за высокими вѣтвями.

Тутъ онъ услышалъ за собою унылые звуки колокольчиковъ и, оглянувшись назадъ, въ яркомъ свѣтѣ дня увидѣлъ караванъ верблюдовъ и ихъ погонщиковъ. Вара свернулъ съ дороги, чтобы дать имъ пройти. Онъ залегъ за кустами, вынулъ изъ переметныхъ сумъ ¹⁾ скудную пищу и сталъ закусывать, защищенный какъ стѣною густыми вѣтвями колючихъ кустовъ.

Но конь его, еще издали почуявъ верблюдовъ, забеспокоился, захрапѣлъ ноздрями и тихо заржалъ. Тогда Вара отвелъ его подальше, въ узкое ущелье, стреножилъ его тамъ и оставилъ пастись. Самъ же вернулся къ своему кусту и сталъ наблюдать проходившій караванъ.

Ему нельзя было теперь тронуться въ путь: верблюды шли медленно, качаясь и позвякивая колокольчиками, въ ту же сторону, куда ѣхалъ и Вара; нужно было выждать время, когда караванъ пройдетъ.

Вара выглянулъ изъ-за кустовъ и посмотрѣлъ съ любопытствомъ на погонщиковъ. Онъ усмѣхнулся.

¹⁾ Переметныя сумы — два мѣшка, связанные другъ съ другомъ и перекидываемые черезъ сѣдло.

Вотъ они идутъ безмятежно и спокойно по этой узкой тропѣ надъ обрывомъ. Идутъ они къ аулу, гдѣ сдѣлають приваль, и незадолго передъ вечеромъ тронутся въ дальнѣйшій путь. Но они не подозрѣваютъ, что здѣсь, за кустомъ, сидитъ страшный абрекъ Вара, одно имя котораго въ состояніи повергнуть ихъ въ ужасъ. А что, если бы онъ вышелъ къ нимъ на дорогу, властнымъ движеніемъ остановилъ бы караванъ? Что, если бы онъ крикнулъ имъ:

«Сойдите! Я — абрекъ Вара!»

И ему представлялся весь ужасъ этихъ людей, тотъ страхъ, который овладѣлъ бы ими при звукѣ его имени. Они побросали бы своихъ верблюдовъ и бросились бы бѣжать впередъ по тропѣ, бѣжать безъ оглядки... И караванъ былъ бы его.

Но нѣтъ! Онъ не сдѣлаетъ этого. Куда онъ дѣнется съ караваномъ? Въ прежнее время имя его гремѣло и наводило страхъ на окрестные аулы. Жители боялись его и его именемъ пугали непослушныхъ дѣтей. Вездѣ онъ былъ почетнымъ гостемъ, котораго, если и не любили, то боялись. Теперь — не то! Русскіе наводнили край, почти покорили его, превратили непокорныхъ горцевъ въ своихъ данниковъ и непокорные аулы — въ мирные. Тяжело стало жить. Вся Чичня превратилась во вражескій станъ съ тысячами тысячъ русскихъ солдатъ. Только еще нѣсколько неприступныхъ горныхъ ауловъ остались

непокоренными, самостоятельными, орлиными гнѣздами. Но и ихъ дни уже сочтены.

Настанетъ день, когда не будетъ уже въ Чечнѣ ни одного непокореннаго аула; настанетъ день, когда храбрые горцы вынуждены будутъ служить русскимъ и выдавать имъ головою тѣхъ, кто еще будетъ считаться врагомъ ихъ. И Вара чувствовалъ, что день этотъ близокъ, и смутный страхъ, тотъ страхъ, котораго онъ никогда до сихъ поръ не чувствовалъ, заползалъ въ его смятенную душу и ослаблялъ его силы.

Онъ началъ бояться. Онъ зналъ, что голова его оцѣнена русскимъ правительствомъ, что за поимку его назначена награда. И всѣ товарищи мало-по-малу отстали отъ него. Одинъ ушелъ въ Турцію, другой бѣжалъ въ Персію, третьяго поймали русскія войска и повѣсили. Еще два-три разошлись по ауламъ, навсегда бросивъ свое опасное ремесло.

И остался онъ одинъ какъ перстъ, послѣдній чеченскій абрекъ!

И грустно, грустно стало на душѣ его при мысли о томъ, что одинъ въ полѣ не воинъ и что скоро-скоро настанетъ и его часть.

Страхъ, котораго онъ никогда не зналъ прежде, все глубже и глубже проникалъ въ его душу, и вотъ ужъ давно, какъ онъ не рѣшается ни на одно крупное дѣло, ни на одно отважное нападеніе. Жить

становится трудно... Остается сдаться на волю побѣдителя и просить его милосердія и прощенія, заслужить его милость чистосердечнымъ раскаяніемъ.

Сдаться?!.. При этой неожиданно пришедшей въ голову мысли ему сдѣлалось такъ совѣстно на душѣ, что густая краска стыда залила его блѣдныя щеки. Сдаться, ему, Варѣ, послѣднему абреку, и навѣки опозорить свою память? Никогда! Лучше смерть, смерть въ честномъ и неравномъ бою съ врагами, смерть во время какого-нибудь дѣла съ ненавистными покорителями его родного края. Если онъ погибнетъ отъ русской пули, по крайней мѣрѣ память о немъ пронесется по всей Чечнѣ и будетъ передаваться изъ рода въ родъ, и долго-долго будутъ помнить его въ разныхъ аулахъ и будутъ слагать о немъ пѣсни, сказки, преданія.

Для чего они занимаются разбоемъ? Развѣ ему много нужно для существованія? Развѣ онъ не могъ бы найти себѣ пищу и кровь? Но ему чуждо и противно это мирное прозябаніе; его душа жаждетъ опасностей и битвъ, его горячая кровь не даетъ ему покоя. И всѣ его дѣла направлены къ тому, чтобы сѣять ужасъ въ странѣ, чтобы наводить страхъ на враговъ, которыхъ никто не звалъ въ ихъ дикую Чечню, которые явились сюда непрощенными гостями и которые хотятъ стать здѣсь полновластными хозяевами.

Много-много лѣтъ жили они безъ русскихъ, жили по своимъ обычаямъ и народнымъ законамъ, какъ могли, какъ умѣли. Свободные какъ лани и гордые какъ орлы, населяли они эти родныя горы, рѣшали свои распри между собою, никому не подчинялись. И вотъ, пришли русскіе, покорили край, подчинили его своимъ законамъ, и чеченцы стали данниками русскихъ.

И вспомнился абреку Варѣ одинъ страшный день. Это было давно, въ самое горячее время борьбы Чечни съ русскими. У него было два брата, два молодца-джигита. Однажды пошли они втроемъ черезъ лѣсъ и были внезапно окружены солдатами. Небольшой отрядецъ, человѣкъ въ семь, скрывался въ за-садѣ за кустами, росшими по краю оврага. Завязался рукопашный бой. Братья долго держались, но въ концѣ концовъ оба погибли, пробитые русскими пулями, израненные русскими штыками. У солдатъ тоже было двое убитыхъ, и они унесли ихъ на носилкахъ, тутъ же сплетенныхъ изъ вѣтвей, въ лагерь. Вара не могъ принять участія въ боѣ: старшій братъ приказалъ ему, при первой встрѣчѣ съ солдатами, добѣжать до аула и сдѣлать тамъ тревогу. Онъ ска-тился въ оврагъ и, вставъ на ноги, быстрее вѣтра добѣжалъ до аула. Но когда онъ вернулся съ одно-сельчанами, уже было поздно: солдаты ушли, одинъ братъ лежалъ мертвымъ, другой — при послѣднемъ

издыханіи. Умиравшій подозвалъ къ себѣ Вару и сказалъ ему:

— Отнынѣ, Вара, ты мститель за кровь нашу. Одинъ остался ты на свѣтѣ... Не щади русскихъ! Часъ ихъ истребленія насталъ: свими съ меня кинжалъ мой и ружье мое. Караулъ русскихъ, и гдѣ бы ты ни засталъ русскаго, — рази его! Ты связанъ теперь закономъ мщенія, клятвой, которую ты дашь мнѣ, и нашей злосчастной судьбой. Прощай, Вара, и помни мой завѣтъ...

Братъ умеръ. И когда скончался, немного времени спустя, отъ огорченія и печали старикъ отецъ, Вара взялъ ружье брата, опоясался его кинжаломъ и вышелъ въ темную ночь на большую дорогу.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ абрекомъ.

Съ тѣхъ поръ онъ рѣшилъ, что будетъ, гдѣ можетъ и какъ можетъ, вредить и мстить врагамъ своей семьи и своего народа до послѣдняго своего издыханія, до послѣдней капли своей крови! Что изъ того, что онъ остался одинъ, что у него нѣтъ больше родныхъ, единомышленниковъ и друзей, что всѣ покинули его на произволъ судьбы, не пожелавъ связывать свою жизнь съ его жизнью, полною опасностей, лишеній и тревогъ? Что за важность, что голова его теперь оцѣнена, что за поимку его недавно назначена награда? Онъ зналъ, онъ твердо вѣрилъ, что не найдется ни одного истаго чеченца, который бы

предалъ его, чтобы получить эту вражескую награду. Онъ вѣрилъ въ свой народъ и любилъ его, а потому никогда не нападалъ на своихъ земляковъ и ни одному изъ нихъ не сдѣлалъ зла. Онъ убивалъ много русскихъ, много армянъ и грузинъ, но крови его сородичей нѣтъ у него на душѣ...

Звуки колокольчиковъ давно уже смолкли вдали.

Долго абрекъ сидѣлъ еще въ своей засадѣ. Но наконецъ онъ вышелъ изъ нея, зашелъ въ ущелье за лошадыю и, растреноживъ ее, вывелъ за уздцы на дорогу. Здѣсь онъ сѣлъ на лошадь и, бросивъ поводья, отправился въ путь.

Куда?

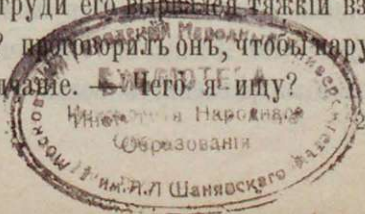
Онъ и самъ не зналъ этого. Онъ ѣхалъ, куда глаза глядятъ. Онъ подымался все выше и выше къ Чернымъ горамъ и глядѣлъ съ края дороги внизъ, на Большую Чечню. Вдали, закрытый точно занавѣскою изъ голубой ткани, виднѣлся огромный Техинскій аулъ.

Мощная и красивая картина разстилалась теперь передъ глазами Вары; но въ его глазахъ свѣтилась прежняя грусть, прежняя тоска, овладѣвшая имъ нѣсколько времени тому назадъ и порожденная чувствомъ глубокаго одиночества, въ которомъ онъ очутился.

И изъ мятежной груди его вырвался тяжкій вздохъ.

— Куда я ѣду? — спрашивалъ онъ, чтобы нарушить тяготившее его молчаніе. — Чего я ищу?

послѣдній абрекъ.

Но вопросъ его остался безъ отвѣта. Угрюмо и безмолвно глядѣли на него голые утесы и чернѣвшіе на нихъ вдали аулы.

И тогда, чувствуя потребность дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями, онъ самъ отвѣтилъ себѣ:

— Я ищу себѣ товарища въ жизни и брата по мыслямъ; но напрасно ѣзжу я за этой мечтою по свѣту: я нигдѣ больше не нахожу ихъ!

И онъ низко поникъ головою.

Потомъ онъ опять сталъ раздумывать о своей горькой судьбѣ. Въ послѣднее время ему становились жить очень трудно.

— Голодень я! мрачно прошепталъ онъ. — Негдѣ пріютиться мнѣ, некуда мнѣ укрыться. Голодъ я принужденъ утолять корнями или ягодами, а жажду — влагой горныхъ ручьевъ... И спать мнѣ приходится на голыхъ скалахъ или слежавшихся листьяхъ, и отъ непогоды мнѣ негдѣ укрыться, какъ только подъ камнемъ пещеръ или навѣсовъ, гдѣ пастухи останавливаются со своими стадами... Я не ропщу... Аллахъ, Аллахъ! Онъ знаетъ, что творить... Но сердце мое изранено, и тѣло мое ослабѣло. И звѣри отправляются на добычу, пока сами не становятся добычею охотника! И вотъ, я — раненый звѣрь, затравленный охотниками. Окружили меня облавой и стерегутъ. Но я еще не совсѣмъ ослабѣлъ: у раненаго и затравленнаго волка все еще цѣлы крѣп-

кіе, острые зубы, которыми онъ можетъ прокусить до кости руку охотника, занесшаго надъ нимъ ножъ. Аллахъ, Аллахъ! Гдѣ бы мнѣ отдохнуть и найти убѣжище отъ опасности?

Разсуждая такимъ образомъ, онъ продолжалъ ѣхать по тропѣ.

Наступалъ вечеръ. Солнце догорало послѣднимъ кровавымъ пламенемъ. Тысячью тысячъ искръ переливалось оно на снѣжныхъ зубцахъ далекихъ горъ, а снизу, изъ узкой и глубокой долины подымалась кверху ночь, сметая на своемъ пути слѣды яркихъ дневныхъ красокъ.

И въ первый, можетъ-быть, разъ въ душу Вары закралось до сихъ поръ неизвѣданное имъ чувство; страшная усталость овладѣла имъ, страшная жажда покоя и отдохновенія. Онъ испугался этого чувства, принявъ его за слабость, за страхъ.

И чѣмъ больше темнѣло, тѣмъ сильнѣе овладѣвало имъ это чувство, и онъ взмахнулъ плетью, чтобы ѣхать быстрѣе, скорѣе добраться до какого-нибудь жилья и заночевать тамъ.

Но у кого просить ночлега? Чечня, эта дикая, непокорная Чечня превратилась въ русскую провинцію. Въ глубинѣ души своей Вара сомнѣвался нѣсколько, уцѣлѣла ли старая чеченская доблесть. Награда назначена большая за его голову, и кто не соблазнится ею? Но онъ съ ужасомъ отогналъ эту

низкую мысль и упрекнулъ себя за нее. Быть-можетъ, жадный армянинъ соблазнился бы этой цѣною, или честный, но трусливый грузинъ способенъ былъ бы выдать его изъ страха... Но чеченецъ, чтобы чеченецъ предалъ его? Никогда!

И несмотря на эти разсужденія, предчувствіе бѣды и затаенный страхъ чего-то неминучаго все больше и больше смущали его душу.

Послѣдній лучъ солнца скользнулъ по зубчатому краю горъ. Верхній аулъ далеко впереди вырисовывался на багряномъ отъ заката небѣ своими черными низенькими саклями.

Вара прикрылъ глаза ладонью отъ мѣшавшихъ ему лучей скрывающагося солнца и своимъ острымъ какъ у орла взоромъ увидалъ на самомъ краю далеко выступившей впередъ скалы саклю Боши.

Сердце его тревожно и радостно забилося.

— Вотъ сакля друга моего Боши. Какъ я могъ забыть о немъ!.. Онъ дастъ мнѣ кровь и пищу, и я поѣду къ нему и остановлюсь у него какъ въ своемъ домѣ!

Онъ опять взмахнулъ плетью, сжалъ бока лошади своими сильными, точно стальными ногами и поѣхалъ рысью къ Верхнему аулу, до котораго было еще очень недалеко.

III.

Боша вернулся съ охоты незадолго до наступленія вечера. Въ этотъ день ему особенно повезло, и охота вышла удачной: онъ дважды ходилъ въ горы, чтобы притащить оттуда двухъ убитыхъ имъ горныхъ барановъ. Вернувшись вторично съ убитымъ животнымъ на плечахъ къ своей саклѣ, Боша засталъ на обширной площадкѣ, прилегавшей къ его дому, караванъ верблюдовъ съ ихъ вожатыми, остановившійся въ ихъ аулѣ для ночлега.

— Эй, джигитъ! обратился къ Бошѣ одинъ изъ вожатыхъ. — Можешь ли ты накормить насъ?

— Если васъ немного, я могу дать вамъ двухъ горныхъ барановъ, отвѣтилъ онъ.

— Намъ и одного хватитъ съ избыткомъ.

Погонщики и Боша сторговались въ цѣнѣ, развели изъ сухихъ сучьевъ, сваленныхъ у сакли байгуша, костеръ, сняли кожу съ барана и принялись его жарить, усѣвшись полукругомъ вокругъ весело трещавшаго и ярко горѣвшаго костра. Вечеръ въ горахъ становился холоднымъ. Быстро темнѣло, и звѣзды, одна за другой, появлялись на синемъ небѣ, какъ далекія лампы, которыя Аллахъ зажигалъ въ утѣшеніе людямъ.

Погонщики завернулись въ свои бурки, надвинули папахи на самыя брови ¹⁾. Боша тоже завернулся

¹⁾ Папаха — высокая барашковая шапка.

въ свою порыжѣвшую бурку, въ которой было больше дыръ, чѣмъ ткани. Думы о Гитѣ не покидали его, и въ его беспокойной головѣ все еще бродили нелѣпыя мысли о томъ, какъ бы ему разбогатѣть и прославиться. И вотъ ему представляется, что онъ оказалъ услуги русскому правительству, что его за эти услуги наградили чиномъ и деньгами, что онъ дѣлается не только первымъ въ своемъ аулѣ, но и во всей Чечнѣ; и односельчане и весь чеченскій народъ относятся къ нему съ почтеніемъ, въ родѣ какъ бы къ князю, и онъ идетъ тогда къ скупому и надменному отцу Гитѣ, и тотъ принимаетъ его съ распростертыми объятіями.

И ему, дѣйствительно, слышится слово «князь». Онъ перестаетъ мечтать и вслушивается въ медленную рѣчь старика, вожака верблюдовъ, который рассказываетъ въ назиданіе своимъ молодымъ служникамъ какую-то исторію про русскаго князя.

— Заходитъ этотъ князь, продолжая свое повѣствованіе, говоритъ старикъ, — въ саклю къ одному изъ нашихъ стариковъ; старикъ былъ бѣденъ, но почтененъ и къ тому же слабъ отъ своихъ преклонныхъ лѣтъ. — Отчего ты не встаешь? спрашиваетъ его князь, — развѣ ты не знаешь, что я князь? — А что такое князь? спрашиваетъ его старикъ. — Князь — большой человѣкъ! отвѣчаетъ ему пришедшій. — А есть кто-нибудь больше тебя? — А какъ

же! говоритъ князь:—больше меня царь.—А больше царя есть кто-нибудь? — А какъ же, опять говоритъ князь: — больше царя — Богъ. — Ну, вотъ видишь, отвѣчаетъ ему старикъ, — между тобой и Богомъ — царь, а между мной и Богомъ никого нѣтъ, — такъ развѣ я не старше тебя поэтому?..

Старикъ умолкаетъ, его спутники шепчутся, обсуждая разсказъ. Потомъ старикъ продолжаетъ:

— Но онъ все-таки принялъ князя и угостилъ его по своему достатку, потому что князь былъ его гостемъ. А гость, захватившій въ саклю, — священное лицо, если онъ даже врагъ хозяина. И хозяинъ долженъ прислуживать ему, потому что гость — старшій въ домѣ, а хозяинъ — его слуга. Такъ ведется съ древнихъ временъ, и самимъ Аллахомъ это установлено... Гостя нужно защищать, жертвуя своей жизнью; а если убили его, хозяинъ дѣлается кровникомъ убійцы, долженъ мстить его убійцамъ, какъ братъ за брата, кровный за кровнаго. Такъ-то!.. Древній, священный это обычай, но наша молодежь измѣнять стала ему, и за это Аллахъ не пошлетъ счастія нашей странѣ... Пусть Аллахъ отвратить милость свою отъ человѣка съ лицомъ друга, съ сердцемъ врага! неожиданно прибавилъ старикъ, и взоръ его остановился въ эту минуту на лицѣ Боши.

Боша смутился и потупилъ глаза. Въ его разгоряченной головѣ, дѣйствительно, въ эту минуту

бродили странные мысли. Что, если бы этой ночью, во время сна вожаковъ, онъ перерѣзалъ бы ихъ и овладѣлъ караваномъ верблюдовъ? Верблюды нагружены товарами, которые старикъ везетъ въ Персію; но и онъ, Боша, могъ бы пробраться съ верблюдами въ Персію, продать тамъ эти товары и вернуться въ аулъ съ богатой казной, желаннымъ женихомъ Гитѣ...

Но старикъ опять заговорилъ, и Боша, снимая барана съ вѣртела и раздѣляя его на части, прислушался вновь къ стариковскимъ рѣчамъ.

— Вотъ расскажу вамъ, говорилъ старикъ, — про аулъ Эзеной. Жили тамъ люди, не исполнявшіе законовъ Аллаха и его главный законъ — о гостепріимствѣ. И вотъ спустился къ нимъ съ неба слуга Аллаха, ангелъ, обошелъ всѣ сакли и просилъ пищи и крова. И всѣ эзенойцы отказали ему. Но одна женщина не отказала ему и, накормивъ его досыта, приняла его подъ свой кровъ. Тогда небесный путникъ открылся ей и сказалъ ей: — Аллахъ узналъ теперь, что эзенойцы злой и безчестный народъ, и рѣшилъ покарать ихъ: раскроется утромъ земля и поглотитъ аулъ, на мѣстѣ котораго образуется озеро. Я предупредилъ тебя за то, что ты чтить священные обычаи страны. Собери имущество твое и уходи въ горы и скрой въ сердцѣ твоёмъ все, что открылъ я тебѣ!.... На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ

аулъ Эзеной, теперь образовалось озеро Эзенъ-Амъ, которое вы всѣ хорошо знаете...

Старикъ замолчалъ, и спутники его молчали, потому что такъ требовалъ ,обычай: молчать, когда говорилъ старшій. Одинъ изъ спутниковъ слушалъ старика разсѣянно, съ нетерпѣніемъ глядя на костеръ и на жарившееся на немъ жаркое; другой глядѣлъ на бездонное синее небо и, повидимому, мечталъ.

Боша сталъ распредѣлять куски зажареннаго барана между своими гостями. Рѣчи старика, скучныя и поучительныя, раздражали его, и онъ самъ удивлялся тому раздраженію, которое росло въ немъ. И вопреки высокимъ обычаямъ гостепріимства, ему вдругъ захотѣлось насмѣяться надъ старикомъ, нарушить безмолвную торжественность этой ночи какою-нибудь веселой выходкой, тѣмъ болѣе, что старикъ какъ-то странно и подозрительно поглядывалъ на него и все, что онъ говорилъ, говорилъ будто въ назиданіе ему... точно Боша самъ не зналъ законовъ гостепріимства! Но не наложилъ ли уже Аллахъ на лицо его печать отверженія, которая видима была пока лишь одному этому прозорливому старцу? Да, дѣйствительно, Боша чувствовалъ, что что въ душѣ его назрѣло недоброе чувство и совершался важный переворотъ.

— Послушай-ка, старикъ, сказалъ онъ вдругъ

погонщику, — вотъ ты говоришь такія важныя вещи...
А я хочу разсказать тебѣ одну нашу сказку...

Вожаки верблюдовъ встрепенулись и проявили живое вниманіе; только старикъ нахмурилъ брови и возразилъ Бошѣ:

— Молодъ ты еще старикамъ сказки разсказывать.

Но Боша не смутился этимъ замѣчаніемъ.

— Видите ли, началъ онъ, — жилъ былъ нѣкій Насыръ-Эдинъ, бѣднякъ, вотъ такой же байгушъ, какъ я. И задумалъ онъ жениться, а чтобы жениться, ему нужно было разбогатѣть: отецъ невѣсты требовалъ калыма. Вотъ онъ придумалъ: нашелъ черепки горшка, истолокъ ихъ въ порошокъ и пошелъ въ аулы. Проходитъ по улицамъ и кричитъ: — Вотъ порошокъ для уничтоженія крысъ! Выбѣжалъ одинъ человѣкъ, у котораго въ саклѣ водилось много крысъ, и купилъ порошки, да забылъ спросить, какъ съ ними поступить. Нагналъ онъ продавца и спрашиваетъ у него: — Какъ же надо ими истреблять крысъ? А Насыръ-Эдинъ отвѣчаетъ ему: — Поймай крысу, насыпь порошокъ ей въ ноздри: она начнетъ чихать, а потомъ околѣетъ! Покупатель обрадовался, но потомъ возразилъ Эдину: — Но вѣдь если я поймаю крысу, такъ вѣдь я просто убью ее. Зачѣмъ же порошки? — И то правда, отвѣчаетъ ему байгушъ: — тогда у тебя и крысъ не будетъ и порошокъ останется! Такъ онъ поступилъ со многими и разбогатѣлъ.

Погонщики сдержанно смѣялись, стѣсняемые присутствіемъ старика, но старикъ еще больше нахмурился.

Боша спросилъ его:

— Хорошо ли поступилъ байгуншъ?

— Нехорошо, отвѣтилъ старикъ.

— А почему?

— А потому, что Аллахъ не велитъ обманывать своего единовѣрца. И Аллахъ никогда не пошлетъ счастья ни плуту, ни мошеннику, ни тому, кто непочтителенъ къ старости и негостепріименъ къ гостямъ.

Съ этими словами онъ всталъ и велѣлъ своимъ спутникамъ собираться въ путь.

— Еще рано, сказалъ онъ имъ,—и мы успѣемъ перевалить за хребетъ. Ночь будетъ лунная... Тамъ, въ долину, я знаю одного кунака, который пріютитъ насъ. Пойдемте!

Вожаки собрали верблюдовъ, и караванъ медленно двинулся въ путь. Старикъ расплатился съ Бошей, зорко взглянулъ ему въ глаза и загадочно сказалъ ему на прощанье:

— Аллахъ въ эту ночь отступилъ отъ тебя. Вижу, на душѣ твоей творится что-то недоброе. Молись Аллаху, чтобы Онъ обратилъ вновь лицо Свое къ тебѣ.

Боша пожалъ плечами и усмѣхнулся злобной усмѣшкой. Горе и тоска образовали уже въ сердцѣ

его, долго страдавшемъ, нарывъ, который мучительно болѣлъ и готовъ былъ лопнуть... Боша затопталъ и раскидалъ костеръ, убралъ остатки жаркого въ свою саклю и вышелъ на порогъ ея подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, отдохнуть отъ своихъ тяжелыхъ думъ.

Аулъ спалъ; послѣдніе огни въ сакляхъ были потушены. Выходила луна; вѣяло горной прохладой. Темными массами выдѣлялись на прозрачномъ небѣ сакли; высокіе тополи, на краю аула, гордо подымались, точно черные призраки, ставшіе на часахъ...

И Бошѣ вспомнились только что слышанныя рѣчи, которыя, неизвѣстно почему, производили въ немъ особое раздраженіе. Ему хотѣлось двигаться, кричать, совершить что-нибудь злое, чтобы заглушить душевную боль, страшно выросшую въ немъ за эти нѣсколько дней.

Невдалекѣ отъ сакли его послышался шорохъ. Боша давно уже прислушивался къ глухому топоту лошадиныхъ копытъ о камень скалы, но не обращалъ на него вниманія, занятый своими горькими думами.

И вдругъ теперь этотъ стукъ копытъ раздался около самой его сакли и вывелъ его изъ задумчивости.

Онъ всталъ, зашелъ за уголъ сакли. Передъ нимъ вырисовалось темное очертаніе всадника на конѣ.

Боша окликнулъ его. Всадникъ повернулся къ нему. Луна освѣтила лицо его, и Боша, внимательно взглядывшись, узналъ въ немъ своего стараго, давнишняго друга.

— Вара! вскрикнулъ онъ, обрадовавшись въ первую минуту. — Ты ли это, Вара?

— Да, это я, Боша...

IV.

— Селямъ-алейкумъ, Боша! привѣтствовалъ Вара, соскакивая съ коня.

— Алейкумъ-селямъ! ¹⁾ отвѣтилъ Боша, и радость, которую онъ только что почувствовалъ, сразу упала.

— Вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ въ гости, сказалъ Вара.

— Ну, что жъ! Стреножь коня, разсѣдай его и ступай въ саклю.

— Примешь ли ты меня какъ другъ?

Боша вспомнилъ слова старика-погонщика.

— Отчего я не приму тебя какъ друга? проговорилъ онъ. — Гость, заѣхавшій въ саклю, всегда другъ! повторилъ онъ слова старика. — И гость —

¹⁾ „Селямъ-алейкумъ“ — „Миръ вамъ!“

старшій въ домѣ, а хозяинъ — его слуга. Входи въ саклю и будь въ ней хозяиномъ.

Вара вошелъ въ саклю и расположился въ ней.

— Я не стану рѣзать для тебя новаго барана, сказалъ ему Боша, — хотя обычай и требуетъ этого. Я — байгушъ, и обычаи страны не для меня установлены. Но у меня есть остатки жаркого, и если ты не побрезгаешь ими, я сейчасъ утолю твой голодъ.

Вара поблагодарилъ и согласился. Ему очень хотѣлось ѣсть.

Боша принесъ остатки жаркого, кусокъ сухого чурека и чашку горной ключевой воды. Онъ прислуживалъ своему другу молча, угрюмо. Тайная мысль овладѣла имъ тотчасъ послѣ перваго движенія радости, пробудившейся въ немъ при видѣ Вара. И чѣмъ дольше шло время, тѣмъ угрюмѣе становился Боша и тѣмъ больше злая мысль укоренялась въ немъ.

Онъ вышелъ изъ сакли, набралъ сухихъ сучьевъ, положилъ ихъ въ очагъ и растопилъ его. Ночь дѣлалась все холоднѣе и холоднѣе, и съ первымъ блескомъ огня въ убогой саклѣ байгуша стало теплѣе и уютнѣе.

Вара, утоляя свой голодъ, присматривался къ своему хозяину. Онъ не узнавалъ его. Боша сталъ худъ какъ скелетъ, молчаливъ какъ покойникъ, и

въ глазахъ его, всегда свѣтившихся беззаботностью, теперь горѣлъ какой-то мрачный огонекъ.

Но Вара не показывалъ виду, что замѣтилъ эту перемену. Онъ говорилъ Бошѣ о своихъ злослѣстіяхъ, о томъ, какъ его преслѣдовали и травили, словно лютаго звѣря; какъ вездѣ онъ натыкался на облавы и засады, отъ которыхъ до сихъ поръ спасалъ его, видимо, самъ Аллахъ; какъ всюду онъ встрѣчалъ враждебныя, злыя лица, и какъ на прежнихъ дружескихъ лицахъ онъ не видитъ больше улыбки и привѣта.

Боша не понималъ этого намека или сдѣлалъ видъ, что не понималъ его.

— Трудно стало жить абреку, продолжалъ Вара:— голова моя оцѣнена русскимъ правительствомъ, и я знаю, всегда найдется подлый человѣкъ, который предастъ меня.

Боша все еще молчалъ. Но когда, въ свою очередь, замолчалъ и Вара, Боша заговорилъ:

— У всякаго человѣка свое горе! началъ онъ и поникъ головою. — Ты все-таки счастливѣе меня. Ты никогда не зналъ нужды, и у тебя всегда было вдоволь всего.

— Нужда не горе! отвѣтилъ ему Вара. — Что такое нужда, Боша? Когда тебѣ нечего ѣсть и не во что одѣться? Развѣ это — горе? Голодъ и холодъ — нужда, но не горе.

— А что жъ такое горе?

— Горе — это то, когда ты одинокъ на свѣтѣ; когда ты знаешь, что у тебя нѣтъ ни друга, ни сестры, ни брата; когда страну твою покорили враги, когда ты знаешь, что вырвать ее изъ рукъ этихъ враговъ у тебя нѣтъ силъ.

— А полюбить дѣвушку и не имѣть калыма, чтобы жениться на ней, — это горе?

Вара подумалъ, помолчалъ и наконецъ проговорилъ:

— И это не горе. Дѣвушекъ много на свѣтѣ, и всегда найдется не одна, такъ другая, которую можно взять безъ калыма.

— Ты никогда не любилъ, Вара.

Вара опять подумалъ и отвѣтилъ:

— Ты правъ, Боша, я никогда не любилъ. Я никогда не любилъ дѣвушекъ, но я всегда любилъ вольную жизнь, всегда любилъ свободу, всегда любилъ эти скалы, эти долины, ущелья, пещеры, поляны. Я любилъ свою родину.

— Вара, мнѣ нужны деньги, много денегъ, чтобы внести калымъ за Гитó.

Вара усмѣхнулся.

— Если бы онѣ у меня были, я бы далъ ихъ тебѣ, Боша. Но у меня ихъ нѣтъ. У меня никогда ихъ не было. Я сдѣлался абрекомъ не для того, чтобы разбогатѣть.

— А для чего же?

— Для того, чтобы мстить врагамъ моей родины.

Оба замолчали и погрузились въ свои думы. Боша вспомнилъ о крикунѣ и его объявленіи, и эта мысль гвоздила его голову и не покидала его больше. Вара думалъ о Бошѣ, и ему было жалко его.

— Вотъ что, Боша, заговорилъ онъ опять.—Денегъ у меня нѣтъ, и я уже сказалъ тебѣ объ этомъ. Но кажется, можно помочь твоему горю. Если ужъ тебѣ непременно нужно богатство, то вотъ что я расскажу тебѣ.

Боша оживился и сталъ внимательно его слушать.

— Вотъ здѣсь, недалеко, есть озеро Эзенъ-Амъ, началъ Вара. Но Боша перебилъ его:

— Это то озеро, которое образовалось на мѣстѣ аула... Я слышалъ о немъ сегодня вечеромъ.

— Да, народъ говорить, что Аллахъ уничтожилъ селеніе за то, что жители его не соблюдали обычая гостепріимства... подтвердилъ Вара.—Такъ вотъ около этого озера жили нѣсколько русскихъ солдатъ, передавшихся чеченцамъ. Шамиль, вождь нашъ, забралъ какъ-то отъ русскихъ много цѣнныхъ вещей, и ему понадобилось зарыть ихъ въ укромномъ мѣстѣ. Пошелъ онъ ночью въ Эзенъ-Амъ, взялъ двухъ солдатъ и отправился съ ними въ горы. Выбравъ надежное мѣсто, онъ велѣлъ солдатамъ выкопать двѣ глубокихъ ямы. Въ одну положилъ онъ драгоценности и заставилъ солдатъ засыпать яму землею. Потомъ развелъ солдатъ

въ разныя стороны, приказалъ имъ стать спиною другъ къ другу и закричалъ имъ, чтобы они не оборачивались, пока онъ имъ не позволитъ. Потомъ подошелъ къ каждому по очереди и отрубилъ имъ головы. А отрубивъ головы, стащилъ обоихъ въ свободную яму и закопалъ ихъ. Вотъ, Боша, какъ онъ поступалъ съ врагами! Я знаю это мѣсто. Пойдемъ утромъ, если хочешь,—я укажу тебѣ его. А наступить ночь, я помогу вырыть тебѣ этотъ кладъ...

Боша покачалъ головой. Онъ не вѣрилъ этому разсказу. Въ ихъ народѣ много ходило въ то время подобныхъ розсказней о кладахъ, о зарытыхъ сокровищахъ. Многіе, понаслушавшись о нихъ, принимались за поиски. Но никогда еще ни одна попытка не кончилась удачей.

— Нѣтъ, Вара, сказалъ онъ, — это не годится. А впрочемъ, пожалуй, попробуемъ! согласился онъ вдругъ для вида, такъ какъ въ эту самую минуту почувствовалъ, что планъ, гнѣздившійся въ его головѣ, окончательно созрѣлъ. Слова крикуна настойчиво раздавались въ его ушахъ, и онъ сознавалъ теперь, что уже не имѣетъ силъ забыть этихъ словъ... И вдругъ ему сдѣлалось жалко Вары.

— Бѣдный другъ Вара! сказалъ онъ.—Видно, Аллахъ не хочетъ, чтобы я позналъ счастье. Да будетъ по Его волѣ! Оставимъ мое горе и поговоримъ о тебѣ. Твоя голова оцѣнена, слышалъ я...

— И у васъ кричали?

— Кричали.

— Да! важно и съ разстановкой проговорилъ Вара.—Я знаю, мнѣ нѣтъ уже спасенія. Рано или поздно найдется человѣкъ, который предастъ меня. Всемогущій Аллахъ заранѣе опредѣляетъ всю жизнь человѣка, а тамъ, въ Своемъ далекомъ царствѣ, воздастъ каждому по его дѣламъ и поступкамъ.

— Вѣрно! согласился Боша.—Но что же ты думаешь дѣлать, Вара, мой бѣдный другъ?

— Что дѣлать? Ужъ, конечно, только не сдаться. Буду держаться до послѣднихъ силъ. Я знаю, мнѣ грозить смерть... секимъ-башка! Но я не бѣдный, Боша! Я гордъ! Я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать, и иначе сдѣлать не могъ.

Тутъ онъ остановился и призадумался. Потомъ, обуреваемый гордостью и желаніемъ прихвастнуть, онъ внушительно, какъ будто вѣря тому, что говорить, сказалъ своему другу:

— Русскіе обѣщали генеральскій чинъ тому, кто меня возьметъ, и много-много денегъ, земель и дворцовъ.

Глаза Боши засверкали.

— Правда? чуть не вскрикнулъ онъ.

— Такъ говорили! скромно отвѣтилъ абрекъ.

Очагъ потухалъ. Красные угли дотлѣвали и бросали на глиняный полъ сакли кровавый и зловѣщій отблескъ. Мало-по-малу сакля погружалась въ тьму.

Бошѣ сдѣлалось жутко. Онѣ почти не видѣлъ теперь лица своего друга и только слышалъ его мѣрное, спокойное дыханіе и біеніе своего сердца, которое такъ сильно билось, какъ хищная птица, запертая въ клѣтку.

— Ты усталъ, Вара, наконецъ проговорилъ онѣ.— Лягъ, усни, отдохни спокойно.

— Да, я лягу, Боша; я усталъ, мнѣ нуженъ покой. Благодарю тебя за твое гостепріимство.

И тутъ съ запекшихся отъ волненія губъ Боши сорвались предательскія слова:

— И никого не бойся, кромѣ Аллаха, Вара! Ты— въ домѣ друга. Чеченецъ никогда еще не былъ предателемъ, измѣнникомъ своему народу.

— Зачѣмъ ты говоришь это, другъ Боша! укоризненно сказалъ ему Вара.—Мы съ тобой старые друзья и оказывали другъ другу услуги. Я всегда былъ твоимъ гостемъ, и никогда еще не слыхано, чтобы хозяинъ предавалъ своего гостя. Къ тому же ты бѣднякъ, байгушъ, а бѣдняки — всегда честные люди. Спокойной ночи, Боша!

И Вара безмятежно и тихо заснулъ.

— Спи! проговорилъ Боша, чувствуя приливъ душившей его злобы. Онѣ не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ; стыдъ подымался въ немъ и жегъ его щеки и уши. Сердце усиленно билось, и онѣ ненавидѣлъ въ эту минуту и себя, и свой аулъ, и

чуть ли не самое Гитó, ради которой покушался на такое позорное дѣло. Но больше всѣхъ онъ ненавидѣлъ Вару и, кажется, готовъ былъ убить его.

— Спи! повторилъ онъ, задыхаясь отъ злобы.— Это твоя послѣдняя ночь. Завтра ты будешь спать въ казематѣ, и твой сонъ будутъ охранять русскіе солдаты со штыками въ рукахъ.

И съ этими словами онъ самъ улегся на голомъ полу у очага, подложивъ подъ голову переметныя сумы и укрывшись дырявой буркой.

Но сонъ бѣжалъ отъ него. Въ ушахъ его раздавались слова крикуна, мѣшались рѣчи старика-погонщика съ рѣчами Вары. «Пусть Аллахъ отвратитъ милость Свою отъ человѣка съ лицомъ друга и съ сердцемъ врага!» вспомнились ему слова погонщика, и потомъ вдругъ они смѣнялись словами Вары: «Русскіе обѣщали генеральскій чинъ, много денегъ... земель и дворцовъ». И Гитó, какъ живая, представилась ему. И рѣшеніе Боши созрѣло безповоротно.

V.

Ночь прошла томительно медленно для Боши. Наступало утро, радостное, свѣтлое, розовое утро, когда небо загорается блескомъ зари, когда утренній животельный вѣтерокъ пробѣгаетъ по ауламъ, донося изъ ущелій запахъ горныхъ цвѣтовъ.

Боша проснулся рано, съ первыми лучами солнца. На дворѣ стояла цвѣтущая весна, но въ душѣ его царилъ холодъ и мракъ. Звѣзды быстро гасли на небѣ, исчезая съ него одна за другой, и Бошѣ казалось, что онѣ уходятъ, чтобы не быть свидѣтельницами того позора, которымъ онѣ собирался покрыть чеченскій народъ. Гдѣ-то запѣла горная птичка, внизу въ долинѣ глухо шумѣла рѣка, — и въ этихъ голосахъ природы слышались несчастному байгушу звуки укора, рѣчи презрѣнія.

Но онѣ уже не могъ отступить отъ твердо задуманнаго дѣла. Если бы весь міръ, вся природа возстали теперь противъ него, онѣ все-таки сдѣлалъ бы по-своему, потому что онѣ не умѣлъ колебаться и раздумывать и привыкъ всегда стоять на своемъ. Да и сердце его было глубоко изранено, и озлобленіе выросло въ его душѣ за эту ночь до невѣроятныхъ размѣровъ. И этому озлобленію требовался выходъ.

Боша сбросилъ съ себя свою рыжую дырявую бурку, протеръ глаза и всталъ съ жесткаго ложа.

Вара все еще спалъ крѣпкимъ, блаженнымъ сномъ.

Но сонъ его былъ тѣмъ не менѣе чутокъ, какъ сонъ человѣка, привыкшаго къ тревогамъ и опасностямъ жизни и случайнымъ ночлегамъ. Услыхавъ движеніе Боши, Вара вдругъ проснулся, приподнялся на ложѣ и спросилъ своего друга:

— Что ты, Боша? Ты, кажется, собираешься куда-то?

Боша вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Да, другъ Вара! сказалъ онъ. — Еще рано; спи спокойно, никого не бойся, отдохни хорошенько. Мнѣ нужно тутъ недалеко отправиться по дѣлу. Передъ вечеромъ я вернусь. Запри саклю и дождись меня.

Вара повернулся спокойно на другой бокъ и уснулъ вновь безмятежнымъ сномъ; а Боша вышелъ во дворъ, умылся изъ горнаго ключа, отправился за конемъ Вары, растреножилъ его, осѣдлалъ и поѣхалъ.

Онъ ѣхалъ долго, горячилъ лошадь, затягивалъ и отпускалъ поводья, чувствовалъ вообще себя неспокойно, но усиленно гналъ отъ себя мысли, стараясь не думать о томъ, на что онъ рѣшался.

Къ полудню онъ пріѣхалъ въ ближайшее русское укрѣпленіе и подѣхалъ къ дому русскаго начальника.

Казакъ доложилъ начальнику о его пріѣздѣ, и начальникъ вышелъ къ нему на крыльцо.

— Селямъ-алейкумъ! сказалъ ему Боша, соскочивъ съ лошади.

— Алейкумъ-селямъ! отвѣтилъ ему начальникъ. — Что тебѣ надо, и зачѣмъ ты пріѣхалъ ко мнѣ?

— Я чеченецъ Боша изъ Верхняго аула.

— Такъ... А что же тебѣ отъ меня надо, Боша?

— Мнѣ отъ тебя ничего не надо. А вотъ что я привезъ тебѣ: я привезъ тебѣ добрую вѣсть.

— Говори свою добрую вѣсть! сказалъ начальникъ и подозрительно оглядѣлъ Бошу.

— Знаменитый абрекъ Вара пойманъ.

Начальникъ покраснѣлъ отъ волненія, глаза его радостно заблистали и забѣгали.

— Ой, не врешь ли ты, Боша?!

— Аллахъ, Аллахъ! Начальникъ, я не вру. Онъ какъ волкъ попалъ въ западню. Вотъ теперь, пока я говорю съ тобой, онъ спокойно лежитъ въ Верхнемъ аулѣ, въ моей саклѣ.

— Если ты врешь, я тебя закую въ кандалы, проговорилъ начальникъ, — но если ты говоришь правду, клянусь тебѣ честью, получишь чинъ съ жалованьемъ...

«Вара не солгалъ», подумалъ Боша и сталъ клясться. Начальникъ велѣлъ ему обождать, приказалъ сѣдлатъ лошадь, взялъ съ собою казаковъ и въ сопровожденіи Боши поскакалъ къ главному начальнику, князю Туманову.

По пріѣздѣ въ крѣпость русскій начальникъ оставилъ Бошу подъ охраной двухъ казаковъ и пошелъ къ князю.

— А, а! встрѣтилъ тотъ его.—Полковникъ Мударовъ! Милости просимъ... Съ чѣмъ пожаловали?

Полковникъ сказалъ ему о причинѣ своего пріѣзда.

— Неужели?! вскрикнулъ князь.—Правду ли вы говорите?

— Ваше сіятельство, потрудитесь сами допросить его!

Черезъ минуту князь стоялъ уже передъ Бошей.

— Здравствуй! сказалъ онъ ему.

Боша сумрачно кивнулъ головой. Что-то темное и тяжелое уже закопошилось на его душѣ. Если бы можно было ускакать отсюда, сейчасъ, куда-нибудь далеко, туда, гдѣ нѣтъ князей, ауловъ, абрековъ и людской подлости, онъ тотчасъ бы взмахнулъ плетью и былъ бы таковъ. Но рядомъ съ нимъ стояли казаки съ заряженными винтовками, а передъ нимъ князь, смотрѣвшій пытливо и зорко ему въ глаза.

— Ты говоришь, что у тебя въ саклѣ лежитъ Вара? спросилъ князь.

— Да, отвѣтилъ Боша.

— Какъ же онъ попалъ къ тебѣ? все еще съ видимымъ недовѣріемъ спросилъ князь.

— Онъ пришелъ ко мнѣ какъ гость, на ночлегъ, вызывающе проговорилъ Боша.

— И ты хочешь намъ его выдать? все съ большимъ изумленіемъ продолжалъ князь.

Но Боша не могъ уже больше терпѣть этой пытки. Онъ круто повернулся въ сѣдлѣ, отвернулъ лицо свое отъ взоровъ князя и проговорилъ:

— Пожалуйста, князь, не спрашивай меня! Прощу тебя ѣхать со мною, или же отпусти меня.

Князь отвернулся отъ него, и Боша вздрогнулъ съ головы до ногъ, услышавъ вполголоса сказанное княземъ слово: — Подлая собака!

Князь приказалъ полковнику взять нѣсколько драгунъ и скакать съ ними къ Верхнему аулу. Онъ давалъ полковнику подробныя распоряженія, а щеки и уши Боши въ это время горѣли, точно кто прижигалъ ихъ раскаленнымъ желѣзомъ. И въ душѣ его подымался такой адъ встревоженной и проснувшейся совѣсти, что ему захотѣлось умереть, и самая мысль о Гитѣ ему стала невыносимо противна.

«Будь ты трижды проклята Аллахомъ! и старикъ отецъ твой, и предки твои, и предки предковъ твоихъ, и все поколѣніе твое до скончанія дней!» проносились въ его отуманенной головѣ мысли. Совѣсть и раньше тревожила его, но весь ужасъ его поступка, всю глубину его паденія освѣтили ему точно молніей слова князя, русскаго начальника, врага его народа и вѣры. И если ужъ князь, врагъ, вознегодовалъ и назвалъ его «подлой собакой», то что же могутъ сказать друзья и сородичи?

Заиграли тревогу, собрали солдатъ, отобрали желавшихъ итти на поимку абрека и двинулись въ путь.

Мударовъ поѣхалъ впереди этого небольшого отряда, Боша въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, рядомъ съ казаками. Отрядъ шелъ позади. Всю дорогу Мударовъ молчалъ и не сказалъ съ Бошей ни слова. И Боша ѣхалъ, низко опустивъ голову, покачивался въ сѣдлѣ на конѣ Вары и думалъ свою тяжелую, черную думу.

И чѣмъ ближе подъѣзжали они къ аулу, тѣмъ сильнѣе и безпокойнѣе билось сердце несчастнаго Боши.

«Ахъ, если бы Вара уѣхалъ! думалъ онъ. — Но какъ онъ можетъ уѣхать, когда я взялъ его лошадь? Ахъ, если бы онъ скрылся въ ущельѣ!..»

Отрядъ подошелъ къ аулу, и Боша долженъ былъ указать свою саклю.

Уже смеркалось, и, увидавъ надъ саклей синій дымокъ, выходившій изъ трубы очага, Боша понималъ, что Вара все еще у него и, быть-можетъ, готовить ужинъ изъ остатковъ барана, поджидая своего гостепріимнаго хозяина. Съ стѣсненнымъ сердцемъ указалъ Боша на синій дымокъ.

— Онъ еще тамъ!.. такъ тихо проговорилъ онъ, что его еле слышали.

По распоряженію Мударова, солдаты окружили саклю Боши.

Рослый драгунъ подошелъ къ запертой двери и постучался въ нее.

— Эй, Вара! отопри двери и выходи! крикнулъ онъ.

— А кто ты такой? спросилъ изъ-за дверей Вара.

— Мы пришли взять тебя. Насъ много, цѣлый отрядъ. Если не отворишь, мы выломаемъ дверь.

Мударовъ самъ подошелъ къ двери, такъ какъ она не отворялась и за ней воцарилась мертвая тишина. Онъ вздумалъ взять Вару хитростью.

— Слушай, Вара! крикнулъ онъ черезъ дверь.— Не сопротивляйся, — все будетъ напрасно. Сдайся намъ живой. Если ты сдѣлаешь это, мы выпросимъ тебѣ у князя прощеніе, а у царя—чинъ съ жалованьемъ...

Изъ-за дверей слышался смѣхъ.

— Начальство не можетъ простить мнѣ... слышался голосъ.

Драгунскій вахмистръ ¹⁾, по приказанію Мударова, объявилъ Варѣ, что послѣ троекратнаго предупрежденія онъ отдастъ приказаніе стрѣлять и взять саклю вооруженною силою.

— Абрекъ Вара! подойдя къ двери, громко сказалъ вахмистръ, — приказываю тебѣ сдаться.

Но за дверьми не раздалось на этотъ призывъ никакого отвѣта. Вахмистръ еще два раза повторилъ свое предложеніе, — все то же молчаніе.

Тогда онъ приказалъ солдатамъ стрѣлять.

Солдаты выстроились въ одну шеренгу и дали по стѣнѣ сакли залпъ. Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, всѣ посмотрѣли на саклю. Стѣна ея была пробита во многихъ мѣстахъ, но за дверьми ея ничего не было слышно, какъ будто Вара уже умеръ.

Драгуны еще разъ дали залпъ по саклѣ, потомъ вахмистръ приказалъ ломать двери.

Солдаты оцѣпили саклю такъ, чтобы Вара не имѣлъ возможности бѣжать, и когда двери вскорѣ

¹⁾ Старшій унтеръ-офицеръ.

рухнули, Вара бросился въ нихъ, размахивая обнаженной шашкой направо и налево. Но его мгновенно окружили, навалились на него и обезоружили.

Теперь Вара, окруженный какъ желѣзнымъ поясомъ драгунами, дѣйствительно походилъ на затравленного волка; глаза его были налиты кровью и дико блуждали по сторонамъ.

Злая презрительная усмѣшка покривила тонкія губы Вары и обнаружила его бѣлые, острые какъ у волка зубы.

И вдругъ съ нимъ случилось нѣчто ужасное. Взоръ его остановился, и во взорѣ этомъ отразилось выраженіе нечеловѣческаго ужаса. Улыбка, застывшая на его лицѣ, стала сползать съ его губъ, и вокругъ нихъ легло теперь такое горькое выраженіе, что присутствующимъ стало жутко. И весь онъ началъ дрожать какой-то больной, жалкой, безсильной дрожью. Вся эта перемѣна произошла въ немъ, когда взоръ его остановился на смертельно блѣдномъ лицѣ Боши, котораго онъ вдругъ замѣтилъ среди своихъ враговъ. Рука Вары безсильно опустилась, и шашка вывалилась изъ нея.

Мало-по-малу столбнякъ его пропалъ, и онъ взглянулъ смѣло передъ собою.

— Позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ Бошѣ, обратился онъ къ Мударову, — а потомъ дѣлай со мной, что хочешь: я сопротивляться не стану.

— Говори!

— Боша! громко сказалъ Вара, обращаясь къ своему бывшему другу, — тебя ли я вижу среди враговъ моихъ?

Боша низко опустилъ голову, не смѣя поднять своихъ глазъ на абрека.

— Ты не хочешь мнѣ отвѣчать, продолжалъ все такъ же спокойно Вара, — потому что ты не можешь сказать, что это не ты. Но ты ли предалъ меня моимъ врагамъ?

Боша молчалъ, и голова его опускались все ниже и ниже.

— Отвѣчай мнѣ, не ты ли предалъ меня моимъ врагамъ?

— Я!.. такъ тихо произнесъ Боша, что его еле можно было слышать.

— Да будетъ имя твое презрѣнно во вѣки вѣковъ среди нашего народа! проговорилъ Вара.

Онъ поднялъ голову. За солдатами увидѣлъ онъ жителей Верхняго аула, собравшихся сюда на звуки выстрѣловъ. Лица ихъ были враждебны, и среди нихъ слышался злобѣщій ропоть.

Вара поднялъ руку и указалъ на толпу.

— Взгляни на своихъ сородичей! сказалъ онъ, обращаясь къ Бошѣ. — Каждый изъ нихъ при встрѣчѣ съ тобою отвратитъ лицо свое отъ тебя. Ни одинъ изъ нихъ не зажжетъ очага своего, чтобы согрѣть

тебя, ни одинъ изъ нихъ не пріютить тебя. Ты совершилъ неслыханное дѣло. Ты говорилъ со мной съ лицомъ друга, когда въ сердцѣ твоёмъ жила вражда ко мнѣ; ты предалъ своего гостя врагамъ и нарушилъ святость гостепріимства. Ты ждалъ награды, но лучше было бы тебѣ умереть. Ни одна дѣвушка не пойдетъ за тебя, хотя бы тебя осыпали золотомъ... Проклято будетъ имя твое и самая память о тебѣ и о твоёмъ зломъ дѣлѣ, проклятая собака!

Боша вздрогнулъ. И князь Тумановъ и абрекъ Вара одинаковыми словами опредѣлили его поступокъ.

— Довольно! сказалъ, обращаясь къ Варѣ, Мударовъ.— Отведите его!

Но съ Варой случился вдругъ приступъ бѣшеной злобы, неудержимаго неистовства. Онъ бросился на солдата, ближе всѣхъ стоявшаго къ нему, выхватилъ у него пистолетъ и выстрѣлилъ въ солдата. Солдатъ упалъ замертво. Произошло замѣшательство, которымъ абрекъ чуть не воспользовался, бросившись въ образовавшееся свободное пространство.

Но вахмистръ уже отдалъ приказаніе стрѣлять, и нѣсколько пуль вонзилось въ тѣло абрека.

Обливаясь кровью, упалъ Вара на землю, и послѣдняя улыбка освѣтила его лицо, вскорѣ покрывшееся смертельною блѣдностью.

Народъ волновался. Мударовъ приказалъ подобрать трупъ. Драгуны сѣли на лошадей, выстроились и

двинулись въ путь. Мударовъ сказалъ нѣсколько словъ старшинѣ и приказалъ жителямъ расходиться.

Обратившись къ Бошѣ, который стоялъ, не двигаясь съ мѣста, Мударовъ, не глядя на него, сказалъ:

— Ты скоро получишь отъ меня бумагу...

Отрядъ уѣхалъ, а Боша все еще стоялъ на мѣстѣ, не смѣя поднять глазъ; но, почувствовавъ на себѣ чей-то упорный взоръ, онъ робко поднялъ свои вѣки.

Передъ нимъ стояла Гитѣ, и въ ея взглядѣ было столько презрѣнія и ненависти, что сердце Боши болѣзненно сжалось.

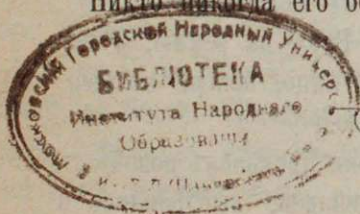
Ни слова не сказавъ, онъ отвернулся отъ нея и медленно удалился. Но она нагнала его, остановила рѣзкимъ словомъ и проговорила:

— Аллахъ возьметъ душу Вары въ рай... А тебѣ, собакѣ, не будетъ отнынѣ мѣста ни на землѣ, ни на небѣ, ни среди враговъ, ни среди друзей!

Она повернулась и пошла по направленію къ аулу; а Боша, какъ побитый пестъ, согнувъ спину и опустивъ голову, пошелъ къ Чернымъ горамъ и исчезъ въ одномъ темномъ ущельѣ.

Никто никогда его болѣе уже не видѣлъ.

В. Свѣтловъ.

2011147230

★ 2 6 ИЮН 1944

Принимается подписка на 1903 г. на журналъ

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“

(16-й годъ изданія)

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія журналъ этотъ допущенъ въ ученическія библіотеки народныхъ и городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ бесплатныя народныя читальни и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ многія книжки этого журнала допущены въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Удостоенъ похвальнаго отзыва на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла.

Удостоенъ диплома на всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ по отдѣлу народнаго образованія.

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ назначается для учениковъ народныхъ школъ. Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. № состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книжечекъ, вложенныхъ въ общую обложку, что даетъ возможность пользоваться книжками „ЧИТАЛЬНИ“ многимъ лицамъ за разъ. Въ общей сложности „Читальня“ даетъ ежегодно не менѣе 90 печатныхъ листовъ, т.-е. 1.500 страницъ и болѣе. Многія книжки украшены картинками.

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ заключаетъ въ себѣ:

- 1) рассказы изъ священной исторіи, житія святыхъ;
- 2) рассказы изъ отечественной исторіи и жизнеописанія знаменитыхъ людей;
- 3) повѣсти и рассказы;
- 4) стихотворенія;
- 5) драматическія произведенія;
- 6) описаніе разныхъ явленій физическаго міра, жизни животныхъ и растений;
- 7) свѣдѣнія о происшествіяхъ и событіяхъ текущей жизни.

Условія подписки:

Съ пересылкой и доставкой на годъ 3 р., на шесть мѣсяцевъ 1 р. 50 коп., на три мѣсяца 75 коп., на два мѣсяца 50 к. и на одинъ мѣсяцъ 25 к.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ. Невскій пр., д. 90.

Редакторъ-издатель Н. Моревъ.